

**ЖЕНСКИЕ
ТАЙНЫ**

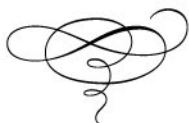
Книги Элисон Уэйр:

ЛЕДИ ЭЛИЗАБЕТ
ОПАСНОЕ НАСЛЕДСТВО
ТРОН И ПЛАХА ЛЕДИ ДЖЕЙН
ПЛЕНЕННАЯ КОРОЛЕВА
БРАЧНАЯ ИГРА

ЕКАТЕРИНА АРАГОНСКАЯ.
ИСТИННАЯ КОРОЛЕВА

АННА БОЛЕЙН.
СТРАСТЬ КОРОЛЯ

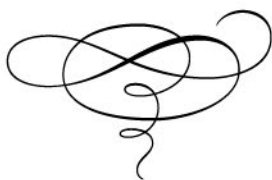
*ДЖЕЙН СЕЙМУР.
КОРОЛЕВА ВО ВЛАСТИ ПРИЗРАКОВ*

ЭЛИСОН УЭЙР

Джейн
Сеймур

КОРОЛЕВА ВО ВЛАСТИ
ПРИЗРАКОВ

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
У 97

Alison Weir
JANE SEYMOUR. THE HAUNTED QUEEN
Copyright © 2018 Alison Weir
All rights reserved

Перевод с английского Евгении Бутенко

Серийное оформление и оформление обложки
Ильи Кучмы

Иллюстрация на обложке Екатерины Бороздиной

ISBN 978-5-389-15706-4

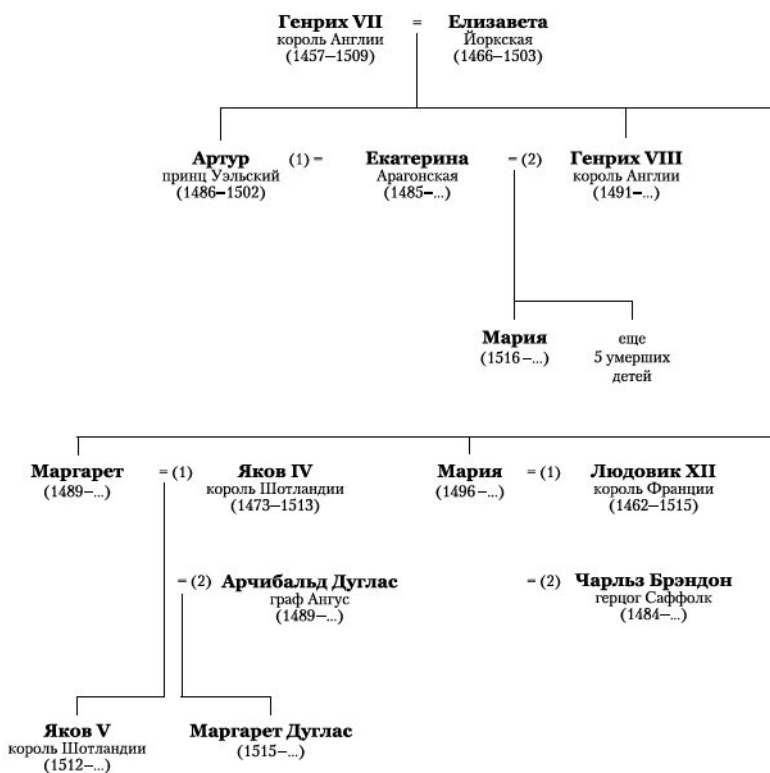
© Е. Л. Бутенко, перевод, 2019
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

*Эту книгу я посвящаю
трем своим прекрасным редакторам —
Мэри Эванс, Сюзанне Портер и Флоре Рис*

1518

КОРОЛЕВСКИЙ ДОМ ТЮДОРОВ

СЕМЬЯ СЕЙМУР

Это очень кроткая дама, насколько мне известно, и добродетелью не уступает любой другой королеве в Христианском мире. Уверяю Вас, милорд, король вознесся из ада на небеса благодаря ее мягкости в сравнении с той проклятой, которая принесла ему столько несчастий. Когда будете снова писать его милости, скажите, что Вы радуетесь его союзу с такой милой женщиной.

*Письмо сэра Джона Расселла лорду Лайлу,
1536 год*

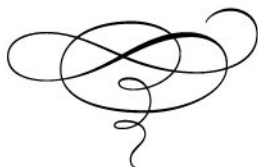
Что дарят королевские венцы и яркие скипетры?
Предвестники они трагедии и смерти...

Из поэмы автора

Часть первая

Некая юная леди

ГЛАВА 1

1518 год

За здоровье молодой! — Сэр Джон Сеймур с улыбкой поднял кубок, и вся компания подхватила тост.

Джейн отхлебнула немного вина, наблюдая за своей новой невесткой, а та вся зарделась. Эдвард был без ума от юной жены. Еще бы, семнадцатилетняя Кэтрин — девушка очень миловидная и всего на год моложе жениха. Джейн не переставала удивляться, как же эта красотка преуспела в искусстве кокетства и с какой теплотой во взглядах смотрели на нее мужчины. Даже сэр Джон, казалось, находился под властью ее чар. Отец Кэтрин, сэр Уильям Филлол, насытившись, откинулся в кресле. Этот союз явно был ему по вкусу, а как иначе, ведь Эдвард, наследник своего отца, имел блестящие перспективы и все шансы преуспеть. Десятилетняя Джейн и та уже понимала: амбициозному молодому человеку женитьба на родовой сонаследнице богатого землевладельца сулила большие преимущества.

Сэр Уильям похвалялся тем, что Филлолы могут проследить свою родословную до соратников Вильгельма Завоевателя.

— Как и мы, Сеймуры! — надменно заявил отец, не сомневавшийся в своем высоком положении в мире.

Что ни говори, а это был во всех отношениях достойный и выгодный брак, и он стоил того, чтобы устроить шикарное угощение. Длинные столы в Широком зале Вулфхолла были уставлены изысканными яствами, приготовленными под бди-

тельным оком самой леди Сеймур. Пиршество украшали разнообразными блюдами из мяса и дичи, но главным блюдом был великолепный запеченный павлин, заново одетый в свое роскошное оперение. Сэр Джон привез лучшее вино из Бордо, а гости облачились в новые пышные наряды, предназначенные специально для свадьбы.

Обычно сэр Уильям жил в Вудлендсе, рядом с Уимборном, меньше чем в пятидесяти милях от Вулфхолла, но для свадьбы он открыл Филлолс-Холл, и все семейство Джейн: мать, отец и семеро детей — приехали в Эссекс на свадьбу. Отцу очень понравилась новая невестка, он даже настоял, чтобы сэр Уильям и леди Дороти сопровождали Кэтрин, когда Эдвард повез ее обратно в Вулфхолл для продолжения торжеств. Из-за этого мать начала в спешке готовиться к приему гостей, и все сошлось на том, что она справилась прекрасно.

Сгустились сумерки, на каминной полке и подоконниках зажгли свечи; их мерцающие огоньки отражались в ромбовидных стеклах, заполнявших оконные проемы в каменных стенах. Пока Джейн смотрела на Кэтрин и Эдварда, которые разговаривали друг с другом и украдкой целовались, ей вдруг пришло в голову, что пройдет немногим больше восемнадцати месяцев, и она сама достигнет брачного возраста. К счастью, у отца пока не было на ее счет каких-то определенных планов.

Потому что девочка выходить замуж не желала. Ей хотелось стать монахиней. Все дразнили ее этим, не принимая такое странное намерение всерьез. Ну и пусть. Скоро они узнают, что она так же упорна в достижении жизненных целей, как и ее брат Эдвард. Джейн не могла представить, что ее сердечный, веселый нравом отец или обожаемая мать станут возражать. Им было известно о снe дочери, в котором она, надев монашеский плат, преклоняла колени перед Богородицей.

Эта сцена приснилась ей год назад, после того как родители отвезли их всех в усыпальницу Святого Мелора в приорате Эймсбери. Джейн ошеломило величие церкви с возносящимся ввысь восьмигранным шпилем, и она истово молилась у алтаря невинно убиенного мальчика-принца, встав на колени рядом со своими братьями и сестрами и сложив руки, как ее учили с детства.

С тех пор девочка прочно связывала свое будущее с этими двенадцатью акрами святой земли. Она представляла, как проводит свою жизнь в трудах и молитвах: поет в хоре на службах вместе с сестрами, собирает яблоки в саду или ловит рыбу в прудах, посвященных Господу. В следующем году она будет достаточно взрослой, чтобы вступить послушницей в монастырь Эймсбери.

А пока ей было приятно находиться в кругу семьи, она смеялась застольным шуткам, наслаждалась расставленной перед ней обильной едой и обменивалась шутивными ударами с братом Томасом, который был моложе ее меньше чем на год и, сидя за столом, бросал засахаренные сливы в новобрачных. Мать нахмурилась.

— Кэтрин, простите моего младшего сына, — сказала она. — Он никогда не знает, где нужно остановиться. Том, немедленно прекрати!

— Малыш заразился общим духом веселья, — снисходительно заметил сэр Уильям, а его жена фыркнула.

— От него не знаешь чего ждать, — без улыбки произнес Эдвард.

Джейн услышала вздох матери. Эдвард никогда не уделял времени младшему брату, всегда относился к нему как к досадной помехе. А тот искусно доводил старшего до белого каления, решительно вознамерившись не допускать, чтобы Эдвард затмил его. Борьба была неравной: Эдвард — наследник, а Томас на восемь лет моложе. Ясно, кто из них всегда будет первым откусывать от яблока. Когда Джейн было шесть лет, Эдварда отправили пажом в свиту сестры короля, принцессы Марии, вышедшей замуж за Людовика. В следующем году Эдвард посещал университеты в Оксфорде и Кембридже, потом оказался при дворе и оказался полезным королю Генриху и его главному министру кардиналу Уолси, который, по мнению многих, являлся истинным правителем страны.

В Широком зале было жарко. Лето было в разгаре, но, несмотря на это, мать настояла, чтобы в камине зажгли огонь, вдруг кому-нибудь станет холодно. Джейн сняла с головы венок (цветы подвяли) и пригладила распущенные длинные волосы цвета соломы, которые волнами мягкого шелка струились по плечам. Эдвард, Томас, Энтони и малышка Элиза-

бет были темноволосыми, унаследовали отцовскую масть, а Джейн, Гарри и Марджери взяли свою от матери.

На мгновение Джейн стало жаль своих прекрасных локонов, которые обрежут, когда она станет монахиней, ведь волосы были ее единственной претензией на красоту. Скулы у нее слишком закругленные, нос великоват, подбородок чересчур острый, ротик маленький, кожа очень белая. Поглядев на своих братьев и младшую сестру Марджери, девушка осознала, без зависти или злобы, что все они гораздо привлекательнее и веселее — в них больше жизни.

Вынашивая детей, мать Джейн исполняла свой долг супруги так же безупречно, как и все прочие домашние обязанности. Прежде чем на свет появилась Джейн, леди Сеймур родила пятерых сыновей, хотя старший, Джон, которого Джейн едва помнила, умер в одиннадцать лет, а другой Джон тоже ушел из жизни совсем юным. Гарри и Энтони были слеплены из другого теста: Гарри отличался беспечностью и не имел видов на славное будущее за пределами Вулфхолла, а Энтони имел склонности к учебе; вскоре он вслед за Эдвардом отправится в университет: поговаривали, что его ждет церковная карьера. Джейн это воодушевляло. Раз ее родители искали сокровища на Небесах, отдавая сына Господу, насколько больше заслуг они накопят, если посвятят Ему же и свою дочь.

Шестилетней Марджери позволили присутствовать на пиру, а крошка Элизабет, которую принесла няня, чтобы гости повосторгались малышкой, теперь уже сладко спала наверху в комнате, называемой детской.

Это был весьма населенный и счастливый дом. Джейн обвела взглядом просторную комнату, полную веселых и довольных родственников, и ее охватило чувство благополучия и радостного спокойствия. Что бы ни принесло ей будущее, она гордилась тем, что принадлежала к семье Сеймур из Вулфхолла.

Когда Джейн была маленькой, то думала, что в Вулфхолле должны водиться волки. Девочка в трепете выглядывала из-за углов, открывала двери кладовых и шкафов, опасаясь, не выскочит ли оттуда серый разбойник. По ночам она не-

редко лежала без сна и размышляла, что станет делать, если когда-нибудь столкнется со страшным зверем. Но однажды, услышав крики Джейн, после того как Томас выскочил из кладовой с воплем: «Я — волк!» — отец, дав сынку затрецину, утешил дочь, сказав, что название Вулфхолл не имеет ничего общего с этими животными.

— Раньше это место называлось Ульф-Холл, по имени главы шотландского клана, который построил здесь дом много столетий назад, — объяснил отец, посадив Джейн к себе на колени. — С годами название немного изменилось. Тебе лучше, милая? — Он поцеловал ее и отпустил играть, вполне успокоенную.

Джейн знала, что Вулфхолл несколько раз за прошедшие годы перестраивали. Теперешнему зданию было лет триста, у него имелись два внутренних двора: Малый, где находились домашние службы, и Большой, где жила семья. Низ стен был сложен из старого, осыпающегося камня, и на этом мощном основании покоился верхний этаж из крепких брусьев, между которыми виднелась белая штукатурка. С крыльца можно было попасть в просторный Главный зал. В дальнем его конце находилась дверь в Широкий зал размером поменьше. Семья предпочитала проводить время там: его было легче отапливать. В солнечные дни оконные стекла в Широким зале и часовне искрились тысячью огоньков, живые цвета витражей с гербовыми щитами переливались, как драгоценные камни. В одном из углов Большого двора стояла высокая башня, оставшаяся от старого дома.

Сэр Джон был богат, владел обширными землями в Уилтшире, что позволило ему пристроить к дому модную длинную галерею, где члены семьи могли прогуливаться в дождливые дни. Их портреты, нарисованные странствующими художниками, которые заглядывали в поместье в поисках работы, смотрели вниз с побеленных известью стен. Среди картин имелось созданное по вымышленным хозяевами описаниям изображение нормандского рыцаря Уильяма де Сент-Мюра, заложившего основы благосостояния Сеймуров.

«О нет! — подумала Джейн. — Сейчас отец начнет надоедать всем рассказами об истории семейства».

— Он прибыл с Вильгельмом Завоевателем во время нормандского нашествия тысяча шестьдесят шестого года, — хвастался сэр Джон. — С тех самых пор Сеймуры верно служат короне. Мы были фермерами и землевладельцами; занимали посты на государственной службе и исполняли свой долг с честью. Некоторые заседали в парламенте как представители графства. — Хозяин заново наполнил свой кубок, увлекаясь темой; дети слышали все это уже много раз. — Я был возведен в рыцари восемнадцати лет от роду, после того как участвовал в сражении с корнишскими бунтарями бок о бок с отцом. Как вам известно, я был назначен Рыцарем Тела короля Генриха во время коронации.

— Трудно поверить, что тому минуло уже десять лет, — кивнул сэр Уильям. — Все эти разговоры о победе над Францией обратились в ничто.

Отец сражался за короля во Французской кампании и, вероятно, преувеличивал свои подвиги, как не раз с любовной улыбкой говорила у него за спиной мать.

— Да, было время, — сказал сэр Джон, явно намереваясь произвести на гостей еще большее впечатление семейными достижениями. — Видите, что там на стене? — Он указал на отделанный серебром охотничий рог из слоновой кости, укрепленный железными скобами над очагом. — Я имел честь носить его как наследственный смотритель леса Савернейк. Взгляните на эти деревья за окном. — Он сделал жест в сторону густых зарослей на вершине пологого холма. — Этот древний лес тянется на запад до самого Мальборо и Бедвин-Магны, нашего ближайшего прихода.

Джейн предвкушала, что сейчас отец начнет превозносить свои способности в качестве управляющего, которые он проявил, когда дни сражений для него миновали, и распространяться о дипломатических миссиях за границей, с успехом исполненных им для короля Генриха. Не случайно он стал шерифом Уилтшира, Дорсета и Сомерсета; не зря занимал должность мирового судьи в Уилтшире.

Но нет.

— Теперь я доволен тем, что веду сельскую жизнь, — сказал сэр Джон. — Не нужно страшиться перемен. У меня ты-

сяча двести семьдесят акров земли только здесь, в Вулфхолле, и я всю ее превратил в овечьи пастбища.

Сэр Уильям приподнял кустистые брови:

— И у вас не было проблем? Некоторые из моих знакомых джентльменов, кто отдал земли под пастбища, встретили жестокое сопротивление. Даже сэр Томас Мор, с которым я беседовал при дворе, сказал, что скоро овцы съедят людей. И это верно. Потому что, выращивая овец ради самой лучшей, самой дорогой шерсти и множа свои богатства, вы, благородные джентльмены, и даже служители Господа не оставляете места под пашни. Из-за этого многие бедняки остались без работы.

— Некоторые из моих арендаторов ворчали, — признался отец, — но я заверил их, что никто не будет нуждаться, и нашел им другую работу, чтобы они не впали в нужду. Таким образом — говорю это с гордостью — я сохранил их любовь.

Джейн, хоть и была мала, из общения с жившими в их владениях людьми знала, что к отцу относятся хорошо; по словам Эдварда, о его успехах в управлении хозяйством говорили даже при дворе.

Наступал вечер, на землю опускалась душистая ночь позднего лета. Мужчины начинали шуметь, опорожняя все новые кубки, и мать отправила младших детей спать. Кэтрин зевала, и сэр Уильям спросил, не пора ли ей на покой. Эдвард немедленно вскочил с места, чтобы составить ей компанию.

Джейн тоже встала и попросила позволения уйти. В соседнем зале было также жарко, поэтому она вышла на улицу подышать свежим воздухом и испытала облегчение.

Больше всего в Вулфхолле девочка любила три сада, которые окружали здание. Джейн неспешно вошла в сад Старой миледи, который находился прямо перед домом и именовался в честь ее бабушки, урожденной Элизабет Даррелл, умершей вскоре после рождения внучки.

Джейн имела страсть к выращиванию растений, и созданный ею сад сейчас по сезону был расцвечен розами, левкоями и анютиными глазками, имелись тут и красивые кусты, подстриженные в форме шахматных фигур. С восточной стороны был расположен сад Молодой миледи, где всегда хозяйнича-

ла мать. Грядки с целебными травами, которые она засадила после свадьбы, не пустовали и сейчас; собранные с них семена, цветы, листья и корневища использовали как приправы на кухне, из них готовили лечебные отвары и мази, их добавляли как отдушку к тростнику, устилавшему полы в доме.

Сев на скамейку и наслаждаясь вечерней прохладой, Джейн подумала о том, как ей повезло: такой прекрасной матери нет больше ни у кого на свете. Леди Сеймур была душой всего дома. Несмотря на мужской авторитет сэра Джона, жизнь Вулфхолла вращалась вокруг нее. Почти каждое утро Джейн и Марджери на кухне или в винокурне получали от матери наставления, как управлять большим хозяйством.

— Это пойдет вам на пользу и подготовит к тому моменту, когда Господу будет угодно послать вам мужей, — говорила дочерям леди Сеймур. Видя, что Джейн открывает рот и собирается возражать, она добавляла, подмигивая: — Монахиням тоже нужно уметь вести хозяйство!

Хлопотливо перемещаясь по дому, мать следила, чтобы вовремя перевернули мясо на вертелах и дали хорошо поджариться хлебу перед выпечкой. Несмотря на благородное происхождение, а среди ее предков имелись короли, мать не гнушалась вникать в такие дела и даже выполняла их сама. Она очень серьезно относилась к своим обязанностям хозяйки рыцарского дома. А какой стол держала леди Сеймур! Об этом ходили легенды. Репутация ее была безупречной. Горе постигало любую кухарку или девчонку с кухни — или дочь, если уж на то пошло, — усердие которой в работе не оправдывало ожиданий хозяйки Вулфхолла.

Нельзя сказать, что слуги не любили или боялись ее. Она была женщина гуманная и добрая, но требовала послушания и уважения к себе. Ей редко приходилось повышать на кого-нибудь голос или прибегать к телесным наказаниям, столь часто используемым другими людьми, облеченными властью. Даже взбалмошный Томас выполнял ее требования беспрекословно.

Дети обожали мать, слуги благословляли благочестивую и щедрую госпожу. Очень немногие покидали службу у леди Сеймур по собственной воле.

Мать неизменно стремилась внушать всем, кто был под ее началом, добродетели целомудрия, честности, смирения и покорности. Дочерей она растила преданными и послушными родителями, а когда придет время, то и мужьям, приучала их вести себя достойно, как подобает христианкам благородного происхождения. Но прежде всего она учила своих детей любить Господа, уважать тех, кто лучше их, почитать короля и папу римского.

Часто, стоя у большого, дочиства выскребенного кухонного стола, перегоняя духи или лечебные настойки в винокурне, мать предавалась воспоминаниям о прошлом, поскольку верила, что ее дети впишут свои страницы в семейную историю. Все они наизусть выучили, что она родилась в семье Уэнтворт в Саффолке и ее предками были король Эдуард III, представители могущественного дома Невилл и сэр Генри Горячая Шпора Перси, герой стародавней битвы при Шрусбери. В молодости она слыла красавицей. Даже сейчас, в сорок один год, леди Сеймур отличалась округлыми, как у куропатки, формами, имела чистое румяное лицо и густые светлые волосы.

— В семнадцать лет, — любила она повторять Джейн и Марджери, — я была девушкой в свите герцогини Норфолк в Йоркшире. В Майские дни в замке шерифа Хаттона устроили живые картины, и молодого поэта мастера Скелтона в знак признания его таланта наградили гирляндой из шелка, золота и жемчуга. Он посвятил мне стихотворение. — Взгляд леди Сеймур становился отстраненным, словно перед ее глазами предстали те давно минувшие дни, и она вновь ощущала себя юной девушкой, только вступающей в жизнь. — Оно было надписано: «Госпоже Марджери Уэнтворт». Он называл меня нежной примулой.

Джейн считала, что такое сравнение уместно и сейчас. В семейных бумагах до сих пор хранилась копия этого стихотворения, переписанная чьим-то острым почерком. Несколько раз при случае ее доставали и показывали.

Ловкими пальцами лепя розы из теста, мать любила вспоминать период ухаживаний:

— Через два года после того, как мастер Скелтон написал то стихотворение, я познакомилась с вашим отцом. Его толь-

ко что произвели в рыцари, и он попросил моей руки. О, он был прекрасен и обожал меня! Я просто потеряла голову! Его считали одним из новых людей при дворе, к которым благоволил старый король; они проложили себе путь преданностью, трудом и усердием, а не получили место благодаря родовитому происхождению. Ваш дед Уэнтворт разглядел в нем эти качества и верно рассудил, что он будет для меня хорошим мужем. Вашему отцу этот союз, конечно, давал большие преимущества, к тому же он продолжал семейные традиции: ваши предки Сеймуры, заключая выгодные браки, расширяли земельные владения, прирастали богатством и упрочивали положение в обществе. Но наш брак был самым удачным. И то, что он оказался счастливым, — величайшее благословение. — Тут у матери на щеках появлялись ямочки, и она слегка краснела, несмотря на то что была уже немолода. Родители Джейн жили в любви, это видели все, но, наблюдая за другими супружескими парами, девочка пришла к заключению, что не в каждой из них царили мир и согласие. Казалось, брак — это такая же азартная игра, как те, в которые ее домашние играли зимними вечерами.

Наутро после свадебного пира почти все долго спали, многие боролись с головной болью. Джейн встала с постели, которую делила с Марджерии, надеясь улучшить момент и помолиться в одиночестве, пока не появится мать с просьбой помочь на кухне.

Часовня находилась за Широким залом. Под окном с вырезанной из камня ажурной решеткой и витражом со сценой Благовещения стояли алтарь, украшенный вышитой шелковой напрестольной пеленой; инкрустированное драгоценными камнями распятие и старинная, весьма почитаемая статуя Мадонны с Младенцем. Лицо Марии казалось Джейн самым прекрасным из всего, что она видела в жизни, — такое спокойное, серьезное и возвышенное; ей самой нужно всегда стараться подражать Святой Матери.

Воздух благоухал ароматом цветов, которыми леди Сеймур украсила часовню в честь новобрачных. Преклонив колени на скамеечке перед алтарем, молился отец Джеймс, семейный священник, который учил Джейн и ее братьев с ран-

него детства. Она прекрасно помнила роговую книгу¹, которая тогда висела у нее на шее, и упорное заучивание букв, цифр и катехизиса. Когда она капризничала и отказывалась заниматься, то слышала увещевания в том духе, что ей очень повезло иметь прозорливых родителей, которые полагали необходимым и полезным для маленьких девочек изучение букв. Сама Джейн гораздо больше любила вышивание: этому искусству ее обучала мать. Расшитые собственными руками шапочки и лифы, которые она дарила друзьям, становились предметом их гордости. Алтарное покрывало тоже было украшено ею, и она верила, что ее способностям в качестве вышивальщицы найдется достойное применение в Эймсбери. В глубине души Джейн не сомневалась, что ее будущее решено.

Отец Джеймс осенил себя крестным знамением, поднялся и, приветствуя девушку, протянул вперед руки:

— Джейн, дочь моя!

Он был хороший человек, немногочисленная паства очень его любила, а Джейн считала другом, которому можно доверять.

— Отец, — сказала она, — я пришла помолиться, но, раз уж застала вас здесь, буду просить о помощи.

— Садитесь, дитя мое, — сказал отец Джеймс, указывая на обитое кожей кресло сэра Джона. — Чем я могу вам помочь?

Мать находилась в Широком зале — присматривала за тем, как слуги наводят там порядок после пира, возвращая все вещи на свои места.

— Могу я поговорить с вами? — спросила Джейн.

— Что случилось? — отозвалась леди Марджери, хмуро поглядывая на одну из горничных. — Нелл, пожалуйста, протри этот стол хорошенько!

¹ *Роговая книга* (англ. horn book) — первое учебное пособие для детей в Англии начиная с середины XVI в.; лист бумаги или пергамента с алфавитом, римскими цифрами и трипостасной формулой «Во имя Отца, Сына и Святого Духа, аминь», помещенный на дощечку из камня, дерева или рога и накрытый сверху прозрачными роговыми пластинами или слюдой. Иногда конструкция была снабжена ручкой и подвешивалась ребенку на пояс или на шею, как в данном случае. — *Здесь и далее примеч. перев.*

— Давайте уйдем куда-нибудь, где мы будем одни. Прошу вас, мама.

— Хорошо. — Леди Сеймур знаком подозвала управляющего. — Проследите, чтобы здесь был порядок, — распорядилась она и отвела дочь в кабинет — маленькую комнату, отданную в ее полное распоряжение. Тут хранились все документы и бумаги, отсюда хозяйка дома руководила своим «королевством».

— Ну, — сказала она, садясь за стол. — Что тебя беспокоит, Джейн?

Та заняла место на табурете, который стоял здесь специально для тех, кто хотел потихоньку перекинуться словом с госпожой.

— Мама, я не шучу. Я хочу быть монахиней в Эймсбери.

Леди Сеймур посмотрела на нее долгим взглядом:

— Знаю. Но, Джейн, тебе нет еще одиннадцати лет, и такие решения не принимаются наобум. Когда станешь старше, какой-нибудь молодой человек может попросить твоей руки, и тогда все мысли о монашестве мигом вылетят у тебя из головы. Я знаю, сама не раз видела, как это происходит, — мгновение, а потом уж поздно. Одна девушка, моя кузина, влюбилась в молодого человека, когда тот приехал вместе с ее родными посмотреть, как она принимает монашеский обет. Он был помолвлен с ее сестрой, она увидела его после церемонии и пришла в полное смятение. Для нее это стало крахом. Я бы не хотела, чтобы такое приключилось с тобой.

Джейн почувствовала, что от досады у нее на глаза наворачиваются слезы.

— Но я знаю, что у меня есть призвание. Я только что говорила с отцом Джеймсом, и он не пытался меня разубеждать. Он благословил меня на разговор с вами. Мама, вы знаете, как я хочу стать монахиней и мирно жить в этом прекрасном монастыре. У меня нет желания выходить замуж.

— Дорогое дитя, может случиться, что в монастыре ты не встретишь мира, а внутренний покой достается очень дорогой ценой. Это тяжелая жизнь, а не бегство от трудностей. Ты должна это понимать.

— Почему все так хотят сделать для меня этот шаг трудным? — вздохнула Джейн.

Мать улыбнулась:

— Если у тебя действительно есть призвание, Господь пождет. Но тебе надо еще очень многое осознать до принятия окончательного решения, хотя бы оценить то, что ты собираешься бросить. Дитя, не смотри на меня так. Я прошу лишь о том, чтобы ты оставалась в миру и узнала о нем больше, прежде чем его покинешь. Если твои намерения не изменятся, когда тебе исполнится восемнадцать, тогда я поговорю с твоим отцом.

— Восемнадцать? — эхом отозвалась Джейн. — До этого еще восемь лет.

— Джейн, послушай, — мягко сказала мать, — многое в тебе изменится за эти годы. В восемнадцать ты будешь другим человеком, гораздо более зрелым. Имей терпение, не торопись. Хорошего стоит дожидаться.

— Но...

— Пока это мое последнее слово. И не бегай к отцу. Мы с ним одного мнения на этот счет.

ГЛАВА 2

1526 год

Джейн не утратила убежденности в своем призвании. После восемнадцатого дня рождения дочери, видя ее твердую решимость, родители наконец дали ей благословение. Произошел обмен письмами с Флоранс Боннёв, приорессой Эймсбери, и та разрешила сэру Джону привезти дочь в монастырь.

Когда семья собралась на Большом дворе, чтобы попрощаться с ней, девушка испытала трепет сомнения. Разумеется, она понимала: надеть монашеский плат — значит покинуть семью и отречься от мира; Джейн много раз спрашивала себя, способна ли принести такую жертву, и ощущала уверенность — да, способна, если Бог попросит ее об этом. Но сейчас, когда вокруг тесным кругом столпились родные, а мать и сестры плакали, не скрывая слез, Джейн обнаружила, что колеблется.

«Они нуждаются в тебе», — шептал в голове предательский голосок. Эдвард и Кэтрин явно несчастны вместе, хотя постичь отчего, было нелегко. Что между ними пошло не так? В первые месяцы после свадьбы они выглядели радостными и довольными. Кэтрин была такая хорошенькая со своими кудряшками медового цвета и ямочками на щеках, однако улыбка на лице молодой супруги появлялась все реже, по мере того как Эдвард терял интерес к ней. Теперь Кэтрин улыбалась только их маленькому сынишке. Джон — точная копия деда, в честь которого его назвали, — родился через год после свадьбы. Теперь ему было семь, столько же, сколько и самой юной из его тетушек, Дороти, о которой сэр Джон всегда говорил, что ее следовало назвать Маленьким Сюрпризом, потому как леди Сеймур полагала, что прибавления в семействе закончились на Элизабет.

Мать особенно нуждалась в старшей дочери. По мере того как Джейн взрослела, леди Сеймур начинала возлагать на нее все больше своих обязанностей, что было для нее нехарактерно, а в последнее время она вообще стала сама на себя не похожа. Ее что-то сильно тревожило. Даже отец, казалось, беспокоился за нее. Джейн опасалась, не скрывает ли мать от родных какую-нибудь тяжелую болезнь. Но когда наседала на родительницу с расспросами, та неизменно отвечала, что чувствует себя превосходно.

Кэтрин плакала, обхватив руками извивавшегося в ее объятиях Джона. Бедняжка стала очень легка на слезу. Отец положил руку ей на плечо, стараясь утешить. Трогательно было видеть, как нежно он привязан к невестке.

Джейн обняла Эдварда, зная, что за суровой маской на его лице прячется печаль: брат был расстроен отъездом сестры. Томас наклонился поцеловать ее и выглядел при этом подавленным. Гарри усиленно моргал глазами, чтобы не расплакаться, и тепло обнял Джейн, а Энтони благословил. Как же она будет скучать по ним! С трудом ей удалось оторваться от сестер, а потом мать крепко прижала ее к груди.

— Господь да пребудет с тобой, мое дорогое дитя, — сквозь слезы проговорила она. — Я приеду навестить тебя очень скоро.

Приоресса оказалась женщиной видной, с широкой костью. Она величественно и спокойно восседала в монастырской приемной, из белоснежного вимпла выглядывали румяные щеки. Настоятельница сделала разумное предложение: пусть Джейн поживет в общине несколько недель, чтобы проверить, верно ли она распознала свое призвание.

— Мы не будем обсуждать твое приданое, пока ты не решишь остаться с нами, но взнос на твое содержание мы примем с радостью, поскольку члены нашего ордена дают обет бедности.

Стоило посмотреть на кабинет, в котором сидела приоресса, — турецкий ковер, резная дубовая мебель, серебряная посуда, — и можно было усомниться в справедливости последнего утверждения, но сэр Джон быстро протянул настоятельнице увесистый кошель. Потом он пожал руку Джейн, благословил ее и ушел.

Под строгим руководством приорессы юная послушница очень скоро поняла, какой свободой наслаждалась в Вулфхолле и как снисходительны к детям были ее родители. Приехав в обитель из шумного дома, где кипела жизнь, Джейн находила монастырскую тишину почти невыносимой. Пища готовилась скудная и простая, она не шла ни в какое сравнение с тем изобилием, которое царило на столе у ее матери; тюфяк в келье был тонкий и комковатый, а черное облачение из грубой шерсти, которое ей выдали, неприятно натирало кожу. Однако Джейн была готова к этим испытаниям и знала: не стоит ожидать мирского комфорта в религиозной жизни. Она понимала, что придется вставать по ночам, чтобы присутствовать на службах, хотя не представляла, насколько изматывающим для нее будет постоянное прерывание сна. От нее потребуют целомудрия — к этому Джейн была готова, — но она не осознавала, что никогда больше ей не будет позволено прикоснуться к другому человеку, разве что в случае крайней необходимости. Она готовилась испытать себя в умерщвлении плоти, но не думала, что дрожать от холода придется почти постоянно, за исключением одного часа в день, который монахиням позволялось проводить в единственной обогреваемой комнате, где имелся очаг.

Юная послушница крепилась. Под чудесное пение хора сестер дух ее воспарял к небесам. Часами она молилась в церкви, обращаясь к Господу и стремясь обрести внутренний покой, который позволит ей услышать Его голос. Девушка благоговейно поклонялась статуям святых и пришла к убеждению, что, как и Мария в домашней часовне, они были ее друзьями. Она постепенно привязывалась к другим послушницам, с которыми знакомилась ближе в моменты дневного отдыха, и радовалась, когда они хвалили ее вышивки.

Однако, когда испытательный срок в Эймсбери подошел к концу, Джейн отправилась домой. Надежды на обретение мира и покоя оказались иллюзорными. Казалось, мирские желания никогда не отпустят ее и ей придется бороться с ними вечно. Она чувствовала, что на это у нее не хватит жизненных сил.

Но было и еще кое-что — одна тревожившая ее мысль. Если монахини давали обет бедности, почему тогда приоресса Флоранс носила облачение из дорогого шелка и ей подавали любую еду на выбор в уютном приемном зале? Почему-то ей позволено иметь карманную собачку — отвратительную, злобно твякующую бестию, которая обнажала зубы и рычала, стоило кому-нибудь приблизиться к ней, и только хозяйка могла брать ее на колени и нежно поглаживать.

— Я не знаю, есть ли у меня призвание, — призналась Джейн в последнее утро, но на самом деле ей хотелось сказать, что Эймсбери оказался совсем не таким, каким она его себе воображала.

— Монастырская жизнь накладывает обязательства, — сказала приоресса. — Я готова принять в обитель монахиню, которая точно знает, что таково ее призвание, но ты сомневаешься. Поезжай домой и подумай еще раз, благословляю тебя.

И Джейн отправилась домой в легком смятении чувств. Чем дальше она ехала, а до Вулфхолла было шестнадцать миль, тем больше убеждалась, что жизнь в Эймсбери не для нее. Конечно, там было кое-что, по чему она будет скучать, но многое с радостью оставит позади навсегда.

Родные страшно обрадовались встрече.

— Нам тебя очень не хватало! — воскликнул Гарри, тепло обнимая Джейн. — Вулфхолл стал совсем не тот.

— Ты не создана для монашеской жизни, — улыбнулся Энтони.

Мать покачала головой и заключила дочь в объятия.

Джейн поцеловала ее, скрывая раздражение:

— Я не знаю. Может статься, в будущем я поступлю в какой-нибудь другой монастырь. А про Эймсбери много чего расскажу вам. Вероятно, это не лучшее место для проверки своего призвания. Но мне все равно хочется стать монахиней.

Как же ей хотелось доказать им всем, что они ошибаются на ее счет.

ГЛАВА 3

1527 год

Завернувшись в подбитую мехом накидку, Джейн следила, как ее ястреб бросился на обреченную куропатку. У них наберется хороший мешок пернатой дичи для материнского пирога. Приятно было отправиться на охоту в веселой компании взрослых братьев и пятнадцатилетней Марджери. Джейн нравилось наблюдать, как ее птица взлетала в лазурное небо, а потом камнем падала вниз. Какой восторг — свободно скакать на лошади, дыша вольным воздухом! Приятного возбуждения добавляло и предвкушение знатной добычи.

Энтони поехал подобрать убитую птицу, а Эдвард галопом поскакал к ним вниз с холма. Теперь он был сэр Эдвард, в рыцари его произвел герцог Саффолк, под чьим началом старший брат Джейн четыре года прослужил во Франции. У родителей он появлялся нечасто, и это был один из тех редких случаев. Большую часть времени Эдвард проводил при дворе или на севере. Два последних года он в основном находился в замке шерифа Хаттона в Йоркшире в качестве главного конюшего при дворе незаконнорожденного сына короля Генриха герцога Ричмонда, мальчика восьми лет; столько же исполнилось сыну Эдварда Джону. Это была желанная должность, дарованная самим королем.

— Bravo! — крикнул Эдвард. — Но нам пора домой.

— Давай поохотимся еще полчаса, — предложил Томас.

Братья и теперь ни в чем не могли согласиться друг с другом.

— Мать будет ждать нас, — не терпящим возражений тоном отрезал старший.

Молодые люди натянули поводья, Томас хмурился.

— Поехали, Марджери! — крикнула Джейн.

И они помчались по просторам Уилтшира к Вулфхоллу.

Вдали показался дом; они перешли на рысь, и Джейн поспекала вперед, чтобы поравняться с Эдвардом.

— Я должна поговорить с тобой, — сказала она. — Сегодня утром Кэтрин опять была в слезах. Я не могла добиться от нее никаких объяснений. Эдвард, что с ней происходит?

Брат поджал губы:

— Тебя это не касается.

Вдруг рядом с ними оказался Томас:

— Это из-за Джоан Бейкер. Не пытайся изображать невинность, брат. И я могу держать пари: она не первая.

Эдвард вспыхнул. Джейн не сразу сообразила, о чем говорит Томас. Джоан Бейкер была прачкой в Вулфхолле, жизнерадостная девушка со светлыми косами и пышной грудью. Если мать услышит об этом — сразу отправит ее собирать вещи, в этом можно не сомневаться.

— Я был бы благодарен вам, если бы вы не совались в чужие дела, — прошипел Эдвард.

Томас усмехнулся.

— Но знаешь ли, Эдвард, это становится нашим делом, когда нам приходится утешать твою супругу, — ровным голосом произнесла Джейн. — Все мы уже давно замечаем, что она несчастлива и при этом совсем недавно встала с родительного ложа. В такой момент о ней нужно особенно нежно заботиться. Прошу тебя, прояви к ней немного внимания.

— Ради Бога, Джейн, ты слишком много на себя берешь! — прорычал Эдвард. — Что ты знаешь об отношениях между мужем и женой или о том, что — в нашем случае редко — происходит между ними? Ты собираешься в монастырь.

— Я знаю одно: мне очень грустно так часто видеть ее плачущей, — не отступалась Джейн. — А что касается моего намерения стать монахиней... — Она позволила себе недомолвку.

Уэйр Э.

У 97 Джейн Сеймур. Королева во власти призраков : роман / Элисон Уэйр ; пер. с англ. Е. Бутенко. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 608 с. — (Женские тайны).

ISBN 978-5-389-15706-4

Элисон Уэйр, историк и автор бестселлеров «Екатерина Арагонская. Истинная королева» и «Анна Болейн. Страсть короля», создает очень подробный и убедительный портрет Джейн Сеймур, третьей королевы Генриха VIII.

Джейн, в детстве мечтавшая стать монахиней, оказывается при дворе Генриха VIII сначала в качестве фрейлины у Екатерины Арагонской, а потом у Анны Болейн. Стремясь завоевать любовь короля и заслужить благосклонность своей семьи, Джейн втягивается в опасную политическую игру, но быстро понимает, что придворные интриги могут не только высоко вознести, но и уничтожить. Всего лишь через одиннадцать дней после казни Анны Болейн Джейн выходит замуж за короля. Сможет она дать Генриху VIII долгожданного сына или ее ждет судьба двух предыдущих королев?

«Джейн Сеймур. Королева во власти призраков» — это третий роман принадлежащей перу Элисон Уэйр драматической серии, каждая книга которой посвящена одной из жен короля Генриха VIII.

Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ЭЛИСОН УЭЙР
ДЖЕЙН СЕЙМУР
КОРОЛЕВА ВО ВЛАСТИ ПРИЗРАКОВ

Ответственный редактор Ольга Рейнгеверц
Редактор Элеонора Шорина
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валерий Камендо, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 16.09.2019. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 31,92. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-ANK-24089-01-R